

На правах рукописи

ШАХОВ Павел Сергеевич

**МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ СИБИРИ
(приуроченные жанры)**

Специальность 17.00.02 – Музыкальное искусство

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата искусствоведения**

Новосибирск – 2015

Работа выполнена на кафедре этномузыкознания ФГБОУ ВО
«Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки»

Научный руководитель:

Леонова Наталья Владимировна
кандидат искусствоведения,
профессор ФГБОУ ВО «Новосибир-
ская государственная консерватория
имени М.И. Глинки»

Официальные оппоненты:

Лапин Виктор Аркадьевич
доктор искусствоведения, ведущий
научный сотрудник ФГБ НИУ «Рос-
сийский институт истории искусств»

Солдатова Галина Евлампьевна
кандидат искусствоведения, ведущий
научный сотрудник ФГБ УН «Инсти-
тут филологии Сибирского отделения
Российской академии наук»

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Российская академия
музыки имени Гнесиных»

Защита состоится 18 июня 2015 года в 16 часов 30 минут на заседа-
нии совета Д 210.011.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук при ФГБОУ ВО
«Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки» по ад-
ресу: 630099, г. Новосибирск, ул. Советская, 31, e-mail: ngk_dissovet@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
ФГБОУ ВО «Новосибирская государственная консерватория имени М.И.
Глинки». Полный текст диссертации и автореферата размещён на сайте
ФГБОУ ВО «Новосибирская государственная консерватория имени М.И.
Глинки» <http://www.nslinka.ru>.

Автореферат разослан «__»_____ 2015 г

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор искусствоведения, профессор

Н. П. Коляденко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Мордва является самым многочисленным финно-угорским этносом, проживающим на территории России. Дисперсность – характерная черта расселения мордвы. Так, на территории Мордовии проживает только около 1/3 всей российской мордвы, остальное мордовское население живёт на территории Заволжья, Приуралья, Сибири и Дальнего Востока. В начале XX века в некоторых сибирских регионах (Алтайский край) мордва являлась третьим по численности этносом после русских и украинцев¹, а в округах Сибирского края мордовского населения проживало настолько много, что «мордовская речь была слышна всюду на пристанях по Оби и Томи»². В настоящее время основными регионами наиболее компактного проживания мордвы в Сибири являются Кемеровская область, Алтайский и Красноярский край³.

Начало формирования фольклорно-этнографического комплекса мордвы-эрзы и мордвы-мокши в Сибири относится ко второй половине XIX в. На территории Алтайского края сформировалась переселенческая зона Причумышья, состоящая из северных и северо-восточных районов Барнаульского округа (современные Залесовский, Заринский, Первомайский и др. районы), где мордовские переселенцы образовывали моноэтнические и смешанные поселения. Сформировалось два самостоятельных региона проживания мордвы – эрзянский, образованный вокруг села Борисово (пос. Никольский, Пещерка и др.) и мокшанский (Камышенка, Думчево, Инюшево и др.), центром которого стала д. Малый Калтай. В юго-западных и северных районах Кемеровской области (Кузнецкий и Мариинский уезды) с 1870-х гг. формировался в основном эрзянский переселенческий пласт. Многие населённые пункты были основаны в связи с плановым заселением Сибири в 1920-е гг.⁴ Южные районы Красноярского края, представленные мокшанскими населёнными пунктами, имеют как ранний переселенческий слой (последняя треть XIX в. – Алексеевка), так более поздний (1950-1970-е гг. – Верхняя Коя, Большая Ничка).

Основная масса эрзя-мордовского населения Алтайского края и Кемеровской области были выходцами из восточных районов современной Мордовии – Большеберезниковского, Чамзинского, Кочкуровского. Мокшане переселялись в Сибирь из сёл Ковылкинского, Зубово-полянского, Краснослободского районов Мордовии.

---

¹ Овчарова М.А. Мордва Алтай: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI века). – Отв. ред. И.В. Октябрьская. – Новосибирск: Изд. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – С. 3.

² Как я был репрессирован в Мордовии: мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak1-3.htm>

³ Николаев В.В. Мордва // Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 2. – Новосибирск, 2009. – С. 386.

⁴ В этот период мордвой из Кочкуровского района Мордовии основана д. Павловка (1920 г.) Ленинск-Кузнецкого района и произошло заселение коммуны Индустрия (1930-е) Прокопьевского района Кемеровской области.

Разносоставность мордовского населения Сибири по историко-временному, этническому и исходно-региональному параметрам обусловила определенную неоднородность фольклорных традиций.

Актуальность исследования. В компактных этнических поселениях, в том числе мордовских, оказавшихся в некоторой степени изолированными от автохтонной традиции, высока вероятность сохранения значительного объема различных форм традиционной культуры, уже утраченных на основной территории. Это связано с действием внетекстового стабилизатора сохранения культуры, поэтому традиции мордовских переселенцев Заволжья, Сибири и Дальнего Востока привлекают пристальное внимание исследователей. Свидетельством уникальности собранного в Сибири фольклорно-этнографического материала является широкий спектр этнической терминологии, касающейся традиционной эрзянской и мокшанской свадьбы, календарно-обрядовых праздников. Особенно ценным сибирским материалом представляется значительный по объёму мифологический пласт традиционной культуры, представленный словесными и музыкальными текстами, в которых упоминаются покровители природных стихий, домашних построек, другие персонажи – *Ведьава, Вирьава, Паксява, Вармава, Вирмава, Кудонь кирди-батюшка, Кудонь кирди-матушка, Юртунь кирди-Юртава, Карды сярка-матушка, Комленьава, Норовава, Чоподава-Зорява, Растения шкай, Нишке паз, Вере паз, Ало паз, Шкаень Горьневеуке, Шайтан.*

Помимо объективных факторов культурной стабилизации в компактных переселенческих очагах действуют и другие механизмы, направленные на естественное изменение, трансформацию, редукцию различных элементов традиционной культуры, в частности, это касается музыкального фольклора, что связано с попаданием мордвы в иноэтническую, поликультурную сибирскую среду.

Изучение разнонаправленных процессов культурной стабилизации, а также межкультурного, межэтнического взаимодействия, динамики развития музыкально-фольклорных традиций относится к **актуальным** вопросам российского этномызыкального знания. Кроме того, комплексное описание и изучение наиболее обширных жанрово-этнографических сфер переселенческой мордовской традиции является насущной задачей мордовской и сибирской этномышологии, так как производится впервые.

Степень разработанности темы. К первым записям фольклора сибирской мордвы относится фиксация поэтических текстов мордовских песен Алтайского и Красноярского края, Кемеровской и Томской области, которую осуществил историк, этнограф и фольклорист И.С. Поздязев (Сибиряк) в период с 1924 по 1960-й гг. Поэтические тексты более 50-ти мордовских мифологических, исторических и семейно-бытовых песен изданы в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (т. 9) – «Мордовские народные песни Заволжья и Сибири». Впервые аудиозаписи осуществили сотрудники

Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР (далее НИИЯЛИЭ)⁵ в комплексной экспедиции 1975 г. (Э.Н. Таракина)⁶ и в музыкально-фольклорных экспедициях 1983 и 1986 гг. (В.Б. Русяйкин). Эти ценные аудиозаписи и собранные в ходе экспедиций сведения оказались изданными лишь фрагментарно в статьях В.Б. Русяйкина и М.А. Лобанова. В связи с отсутствием систематического и комплексного исследования музыкального фольклора сибирской мордвы, данная тема признана ведущими этномузыкологами Мордовии малоизученной частью традиционного творчества мордовского народа⁷.

В последнее время материальная и духовная культура мордвы Сибири становится объектом историко-этнографических исследований сибирских (М.А. Овчарова, Т.К. Щеглова) и мордовских (Л.И. Никонова, Л.Н. Щанкина, М.С. Волкова) учёных, в работах которых встречаются некоторые сведения о фольклорных традициях сибирской мордвы. Полевые исследования сотрудников Архива традиционной музыки и студентов Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М.И. Глинки (в том числе, автора настоящей работы), проведённые в 2007-2011 гг., позволили сибирским авторам приступить к изучению музыкально-фольклорного комплекса мордвы переселенцев. Подготовлены публикации, посвящённые первоначальному описанию и изучению отдельных аспектов сибирских фольклорных традиций.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют две группы материалов. Первая группа источников включает сибирско-мордовские музыкально-фольклорные коллекции 1970-1980 гг., хранящиеся в архиве НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. В 1975 г. в Залесовском районе Алтайского края (сёла Борисово, Никольск, Пещёрка, Малый Калтай, Камышенка) старшей научной сотруднице НИИЯЛИЭ Э.Н. Таракиной удалось зафиксировать на аудио-ленту 88 музыкальных текстов обрядовых (календарных и свадебных), лирических, лиро-эпических песен, частушек, детских игр, песенок и считалок. Ей же принадлежат первые аудиозаписи мокшанских лирических, лиро-эпических и круговых песен (села Малый Калтай и Камышенка).

Объёмные музыкально-фольклорные записи были сделаны в двух экспедициях В.Б. Русяйкина – в собрании представлены более 90 мордовских песен (свадебных, календарных, лирических, лиро-эпических и круговых) и плачей, а также более 50 русских и украинских песен, записанных от эрзя-мордовских информантов. Экспедиция 1983 г. включала обследование сёл

---

⁵ Ныне Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

⁶ В состав членов экспедиции 1975 г. также входили языковеды и этнограф: И.С. Бузаков (рук.), Р.Н. Бузакова, В.П. Тумайкин, В.С. Илюшкин.

⁷ Бояркина Л.Б. Песенное искусство мордвы Сибири и Дальнего Востока // Мордовская музыкальная энциклопедия. – Под. общей ред. Н.И. Бояркина. – Саранск: Мордов. кн. изд.-во, 2011. – С. 259-260.

Кемеровской области (Ленинск-Кузнецкий, Беловский, Прокопьевский районы), экспедиция 1986 г. – сёл Алтайского края (Залесовский район). Сибирские варианты некоторых песен выглядят «значительно полнее и содержательней», чем варианты, записанные на территории Мордовии. Особенно это характерно для традиционной свадебной обрядовой и необрядовой лирики⁸. Данная коллекция частично издана этномузыкологом М.А. Лобановым, чьи нотировки также включены в источниковую базу.

Вторая группа музыкально-фольклорных источников представлена современными полевыми записями восьми экспедиций при участии автора⁹, материалы которых хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки 2007-2011 гг. Маршруты полевых исследований 2000-х гг. во многом повторяли путь экспедиций 1970-80-х гг. Впервые новосибирскими фольклористами осваивался музыкально-этнографический комплекс мордвы-мокша Красноярского края.

Экспедиционные исследования Новосибирской консерватории зафиксировали жанровое многообразие фольклорно-этнографического комплекса мордвы-эрзя и мордвы-мокша. К приуроченному фольклору относятся эрзянские и мокшанские свадебные, календарные и круговые песни, похоронные причитания, а также христианские молитвы, исполняемые на русском языке. Неприуроченный пласт представлен, главным образом, лирическими и лиро-эпическими песнями, широко распространёнными в сибирских традициях обеих субэтнических групп мордвы. Повсеместно исполняются частушки на мордовских и русском языках. Жанры шуточных песен, сказочной прозы с музыкальными фрагментами и инструментальные наигрыши на гармошке представлены единичными фольклорными образцами. Многочисленные русские песни, записанные от сибирской мордвы, занимают в её фольклорном репертуаре весомое место.

Собранный объёмный исторический, этнографический и фольклорный материал, архивные письменные и аудио-источники, а также составленная автором сводная база фольклорных записей 1970-1980 гг. и 2007-2011 гг. (об-

---

⁸ Русаякин В.Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Труды НИИЯЛИЭ. – Т. 86. – Сост. и отв. ред. Н.И. Бояркин. – Саранск: Мордов. кн. изд.-во, 1986. – С. 72-80.

⁹ Экспедиционные проекты осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ № 07-04-18033е (рук. Г.Б. Сыченко), № 08-04-18040е (рук. Н.В. Леонова), № 09-04-18020е (рук. Н.В. Леонова), № 11-04-18046е (рук. Н.В. Леонова). Участники экспедиций Новосибирской консерватории:
2007 г. Прокопьевский р-н Кемеровской обл. (Н.В. Леонова, А.В. Журба, А.Д. Татаринова); Чебулинский р-н Кемеровской обл. (Н.В. Леонова, С.Г. Емельянова, П.С. Шахов);
2008 г. Залесовский р-н Алтайского края (Н.В. Леонова, М.А. Овчарова, П.С. Шахов); Прокопьевский р-н Кемеровской обл. (П.С. Шахов, М.А. Овчарова);
2009 г. Минусинский и Каратузский р-ны Красноярского края (Н.В. Леонова, П.С. Шахов);
2011 г. Ленинск-Кузнецкий р-н Кемеровской обл. (П.С. Шахов, В.Л. Скакун, М.В. Сербиненко); Гурьевский р-н Кемеровской обл. (П.С. Шахов, М.А. Овчарова); Залесовский р-н Алтайского края (П.С. Шахов).

щим объемом 10,8 авт. л.) легли в основу данного исследования¹⁰. Корпус нотировок сибирских песен, вошедших в источниковую базу диссертации, составляет 104 образца¹¹, из которых 81 – нотировки автора работы, 23 – М.А. Лобанова. Кроме того, для сравнения с сибирским материалом привлечены мордовские источники и образцы, опубликованные в трудах М.Е. Евсевьева, А.А. Шахматова, Т.П. Девяткиной, В.И. Рогачева, в сериях «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» и «Памятники мордовского народного музыкального искусства», в нотных сборниках Г.И. Сураева-Королева, Л. Кавтаскина и пр.

Наиболее объёмным, целостным, подробно зафиксированным на всех этапах собирательской деятельности является приуроченный пласт культурной традиции, поэтому **объектом исследования** выступают фольклорно-этнографические комплексы сибирской мордвы – обрядовые свадебный и календарный, а также сезонно-приуроченный комплекс круговых песен, тесно связанный с традиционными представлениями этноса.

Предметом исследования является музыкальный компонент традиционного приуроченного фольклора сибирской мордвы, рассматриваемый в обрядово-этнографическом контексте.

Цель настоящего исследования заключается в установлении обрядовой, жанровой и музыкально-стилевой типологии свадебного, календарного и песенно-танцевального комплексов, что способствует созданию целостного представления о приуроченном пласте традиционной сибирской музыкальной культуры мордвы-эрзя и мордвы-мокша. Для этого поставлены следующие **задачи**:

1. Выполнить первоначальное описание отдельных жанровых сфер фольклорно-этнографического комплекса сибирской мордвы (свадебный ритуал, календарная праздничная и танцевальная культура).

2. Раскрыть типовую структуру и составляющие элементы двух сибирских локальных вариантов свадебных обрядов мордвы-эрзя (алтайского и кемеровского) и мордвы-мокши и соотнести с ними структуру и логику свадебного обряда «европейской» мордвы.

3. Произвести комплексную характеристику свадебных песен сибирской мордвы-эрзя и мордвы-мокши (жанровые и драматургические функции в обряде, структурная типология музыкально-поэтических текстов).

4. Описать годовой календарный праздничный цикл сибирской мордвы и выработать типологию напевов календарных песен.

5. Рассмотреть круговые песни в контексте обрядово-этнографической, танцевальной традиции мордвы.

---

¹⁰ Многие переводы мордовских поэтических текстов, вошедших в сводную источниковую базу были выполнены носителями языка – доктором филологических наук О.Е. Поляковым, кандидатом философских наук И.В. Зубовым, Д.Н. Кукиным, а также с помощью самих информантов.

¹¹ Из них 73 песни записаны от мордвы-эрзя, 31 – от мордвы-мокши. Пятьдесят образцов относятся к фольклорным коллекциям 1970-80 гг., 54 – записи 2000-х гг.

6. Классифицировать напевы сибирских круговых песен в соотнесении с «материнскими» вариантами на основе музыкально-типологической характеристики.

Научная новизна работы определяется самой постановкой проблемы описания и изучения наиболее обширных жанрово-этнографических комплексов сибирской мордвы, что в российском этномузыковедении производится впервые. Музыкально-типологический анализ значительного массива напевов даётся в широком фольклорно-этнографическом контексте, что имеет значение для определения их смысловых характеристик. Разработаны методологические подходы, позволившие фактически осуществить реконструкцию обрядовых традиций мордвы Сибири второй половины XX века. Впервые в научный обиход вводятся сведения, материалы и аудиозаписи неопубликованных архивных источников, хранящихся в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и в Архиве традиционной музыки Новосибирской консерватории, а также авторские нотировки сибирских мордовских песен.

В основу **методологической базы** исследования был положен ряд принципов, выработанных в современной этнографии, фольклористике, этномузыковедении. Осуществляемый в данной работе контекстный подход в изучении обрядовых традиций сибирской мордвы опирается на актуализированную в последние десятилетия практику комплексных научных исследований, реализованную, в частности, в трудах Т.А. Бернштам, Б.Б. Ефименковой, С.А. Жигановой, Е.М. Шишкиной, А.М. Мехнецова, Г.В. Лобковой, О.А. Пашиной, И.М. Нуриевой, В.И. Рогачева, А.Г. Бурнаева и многих др. Данный подход осуществляется и в ряде работ при изучении традиционной музыкальной культуры коренных, в частности, обских угров (О.В. Мазур, Г.Е. Солдатов и др.) и переселенческих (Л.В. Дёмина, О.В. Крахалёва, И.В. Семенова, О.Г. Сидорская и др.) этносов Сибири.

Обрядовые коды фольклорно-этнографических комплексов трактуются с учётом позиций А.К. Байбурина, Г.А. Левинтона, С.М. Толстой и др. Музыкальное наполнение свадебного и календарных обрядов как кодовая система в контексте других семиотических образований (предметного, действенного, персонального, вербального, локусного др.) рассматривается с опорой на работы Б.Б. Ефименковой, Е.М. Шишкиной, Г.В. Лобковой и др. При изучении концептуальной логики и структуры свадьбы как переходного ритуала используются принципы, изложенные в трудах А. ван Геннепа и его последователей.

Жанровая классификация сибирского мордовского музыкального фольклора опирается на принципы, сформулированные в работах К.В. Квитки, Е.В. Гиппиуса, Н.И. Бояркина, Л.Б. Бояркиной, Н.Е. Бульчёвой, Т.П. Девяткиной и др. Роль, смысл, структурообразующие особенности ритуалов и текстов, связанных со смеховой и эротической традиционной культурой, определяются с привлечением исследований В.Я. Проппа, А.Л. Топоркова, В.А. Лобач, Ю.Г. Круглова, Н.М. Элиаш.

При выявлении общих и отличных элементов свадебного обряда и фольклора, а также круговых песен сибирской мордвы в соотношении с «материковым» материалом применялись принципы сравнительного анализа, в том числе разработанные в сибирской музыкальной фольклористике в исследованиях Н.В. Леоновой, О.В. Тюриковой и др.

Анализ сибирских свадебных, календарных и песенно-танцевальных напевов производился с опорой на принципы структурно-типологического анализа музыкального текста, основные положения которого изложены в трудах Е.В. Гиппиуса, Б.Б. Ефименковой, М.А. Енговатовой, Е.А. Дороховой, Л.М. Винарчик, М.Г. Кондратьева, Н.В. Леоновой, Н.А. Урсеговой и др. Кроме того, были учтены результаты отдельных исследований мордовских песенных традиций в работах Т.М. Ананичевой, Н.Н. Гиляровой, И.И. Земцовского, М.А. Лобанова, Е.А. Дороховой, Т.А. Старостиной, Л.Н. Шамовой.

Формирование корпуса устных источников для описания сибирских фольклорно-этнографических сфер мордвы с использованием прямой речи носителей традиции проходило с опорой на общепринятые фольклористических принципов речевой фонетической фиксации и инструментария, выработанного в работах Г.В. Лобковой, М.Л. Лурье, А.М. Мехнецова, Т.К. Щегловой и др., а также приёмов отражения индивидуальных особенностей произведения, предложенных Г.Л. Венедиктовым.

Подлинность и репрезентативность собранной автором источниковой базы, включающей сведения о фольклорно-этнографических комплексах сибирской мордвы, введение этих материалов в научный оборот, а также использованная методологическая база обеспечили **обоснованность** и **достоверность** научных выводов и положений диссертационного исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современные полевые записи (2007-2011 гг.), содержащие наряду с фольклорно-музыкальными материалами значительный объём историко-культурных и этнографических характеристик песенного творчества сибирской мордвы, и архивные материалы (1975-1986 гг.) составляют достаточную источниковую базу, которая позволяет представить целостную картину бытования сибирско-мордовских фольклорных традиций.

2. Результатом изменений эрзя-мордовского свадебного обряда Сибири является преобладание его песенного типа с ведущей ролью коммуникативной обрядовой функции, при сохранении отдельных элементов свадьбы причётного типа. В то время как в традиционной свадьбе европейской мордвы эрзи значительное место занимают причитания, связанные с фольклорным комплексом рода невесты.

3. Сибирские эрзянские и мокшанские политекстовые напевы, действующие в свадебном обряде, образуют отличающиеся по смысловым и структурным характеристикам синтагматические схемы музыкального кода, а также имеют различные музыкально-стилистические параметры. Поэтому музы-

кально-этнографические комплексы эрзянской и мокшанской свадьбы предлагается рассматривать раздельно.

4. Субэтнические особенности мордовских традиций в Сибири наиболее явно проявляются в свадебном фольклорно-этнографическом комплексе, в то время как в календарных и сезонно-приуроченных обрядах и песнях мордвы-эрзи и мордвы-мокши преобладают общие признаки и элементы.

5. Жанровый состав и традиционные напевы сибирских календарных и круговых мордовских песен, представленные широким спектром видов и форм, воспроизводят типологические свойства автохтонной традиции.

Теоретическая значимость. Опыт изучения фольклорно-этнографических комплексов сибирских мордовских переселенцев с последовательным применением двух подходов (этнографического и фольклорно-музыкологического) является вкладом в сибирскую фольклористику и может быть использован в исследовании других локальных мордовских традиций сибирского региона, а также музыкально-этнографической культуры других переселенческих этносов. Работа имеет значение также для мордовской фольклористики в связи с необходимостью изучения традиционной песенной культуры многочисленных диаспор этноса, определения динамики изменений переселенческой традиции. Выявленный песенный материал и основные положения работы обладают ценностью для решения проблем региональной и исторической типологии мордовской традиционной музыки. Они могут быть использованы в дальнейшем изучении мордовской музыкальной культуры, включая аспект славянской и финно-угорской компаративистики.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных программ по музыкальному фольклору сибирских переселенцев, предназначенных для начального, среднего и высшего профессионального образования. Публикация данной работы в виде монографии и методических пособий, на фоне возросшего интереса к переселенческой культуре, может стать фактором частичного возрождения этнических обрядовых и фольклорных традиций в компактных очагах проживания мордвы.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации неоднократно обсуждалась на заседаниях кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки. Основные положения исследования и выводы были представлены в докладах на научной конференции в рамках Пленума Сибирской организации союза композиторов России (Новосибирск, 2007), научном семинаре-симпозиуме «Народная культура Сибири» (Омск, 2008), региональной научно-практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае» (Барнаул, 2008), международных научно-практических конференциях «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 2008, 2011), всероссийской конференции финно-угроведов «Языки и культуры Финно-угорских народов в условиях глобализации» (Ханты-Мансийск, 2009), межрегиональной конференции «Мартьяновские чтения» (Минусинск, 2009), кон-

грессах этнографов и антропологов России (Оренбург, 2009; Петрозаводск, 2011), всероссийской научно-теоретической конференции «Традиционная и профессиональная культура Сибири: проблемы и перспективы изучения» (Новосибирск, 2012).

Материалы диссертации нашли отражение в описании трёх объектов нематериального культурного наследия народов России, выполненных для электронного каталога при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации¹².

Отдельные источники, собранные в ходе выполнения диссертационного исследования были использованы при написании раздела «Музыкальные традиции сибирских переселенцев» учебно-методического пособия для учащихся детских музыкальных школ и детских школ искусств «Музыкальная культура Сибири» (Новосибирск, 2012). Результаты диссертации внедрены в курс «Народное музыкальное творчество», читаемый в Новосибирской государственной консерватории.

По теме диссертационного исследования опубликовано 20 работ (включая статьи, написанные в соавторстве) общим объёмом 6,8 авт. л., среди которых 3 статьи в научных журналах, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав и заключения. В каждой из глав рассматриваются с обрядово-этнографической и фольклорно-музыкологической точек зрения выделенные жанровые сферы традиционной культуры сибирской мордвы (свадебная, календарная и танцевальная). Диссертация включает список источников и литературы (224 наименований), список сокращений и условных обозначений, список сибирской этнической терминологии, список иллюстративного материала. В отдельном томе представлены приложения (таблицы, схемы, ноты, фотографии). Общий объём исследования составляет 470 страниц, из них основного текста 230 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, выявлена степень её изученности, определены объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, охарактеризована источниковедческая база, обозначены методологические основания, научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Обряд и фольклор мордовской свадьбы Сибири» посвящена описанию и изучению наиболее полно зафиксированного фольклорно-этнографического комплекса. Наличие специфических особенностей,

---

¹² Два из них расположены в разделе Нематериальное культурное наследие на портале Культура.РФ – объекты №№ 441, 464. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culture.ru/objects/tradition>

касающихся этнической терминологии, предметного, персонального, вербально-музыкального обрядовых параметров, потребовало отдельного описания и анализа фольклорно-этнографических комплексов эрзянской и мокшанской свадеб Сибири.

В параграфе 1.1 «**Обрядово-этнографический аспект эрзя-мордовской свадебной традиции**» автор реконструирует структуру свадебного обряда мордвы-эрзи Алтайского края и Кемеровской области. Наличие одновременных источников, разветвленной и многоплановой структуры свадебного обряда, двух географических ареалов и разной степени сохранности свадебных традиций определило целесообразность отдельного описания алтайской и кемеровской эрзя-мордовской свадьбы. Разновременные записи материалов по свадьбе мордвы-эрзи Алтайского края дополняют друг друга, поэтому при описании свадебного комплекса данного субрегиона фольклорно-песенный и фольклорно-этнографические материалы, содержащиеся в коллекциях 1970-1980 гг. и 2007-2011 гг., рассматриваются как единый музыкально-этнографический культурный текст.

Описание свадьбы производится с помощью обозначения акционального, персонального, предметного, пространственного и музыкального планов обряда. В предсвадебный период проходит сватовство (*ладья*), привоз ящика (*горобия*) для приданого невесте и ритуалы, исполняемые накануне свадьбы в различных локусах. Замужние женщины рода невесты проводят обряд *кашень кандуму* (досл. – нести кашу) – приносят невесте чугунки с кашей и устраивают застолье, а также угощение детей. После девичника, на котором девушки изготавливают свадебные атрибуты *цецки* (головные повязки с цветами из ткани), молодёжь направляется в дом жениха «вешать полотенца» (*нардамунь кандума*). В доме жениха помимо украшения свадебного поезда выпекают слоёный пирог *луки, утку* (фигурку птицы с начинкой, что является символом невесты) и *гулку* (фаллический символ из хлеба). Музыкальный код предсвадебного периода сопровождает *кашень кандуму* (причитания невесты, женщин) и процесс выпечки (песня стряпух).

В день свадьбы в доме жениха песни исполняются во время отъезда поезда за свахой и за невестой, а на стороне невесты пение сопутствует встрече сватов (общие и персональные корильные песни) и моментам выкупов. Особое место в песенных выкупах занимает величание ритуальных свадебных предметов (стол, *цецки*), за которые главные поезжане (*атявт*, сваха и *уредив*) должны заплатить выкуп, поэтому каждому из них исполняли персональную песню, а после выкупа, также в песне, каждого благодарили. Песни свахи звучали в ответ корильщикам и в ситуации смотра невесты. После ритуальной передачи девичества невестой (в виде ленты с крестиком) сваха в пении призывала всех к отъезду в дом жениха. Музыкальное наполнение ритуалов в обрядовом локусе жениха связано с ожиданием и встречей невесты на улице, знакомством молодухи с печкой, сменой девичьей причёски и её хождением утром за водой.

Ритуалы второго и третьего дней – приготовление блинов, супа из петуха или курицы (мытьё курицы на реке, пение сорока частушек с ненормативной лексикой во время приготовления супа), ряжение цыганами и собиране по деревне мяса для пельменей, «игра в покойника» – и сами рассказы информантов насквозь пропитаны балагурством и относятся к предметно-акциональным, вербальным и музыкальным образцам народной смеховой культуры с элементами эротизма. Автор работы высказывает предположение о вторичном перенесении «игры в покойника» из зимнего календаря в семейно-обрядовую сферу.

Кемеровские свадебные традиции в настоящее время оказались значительно редуцированы по сравнению с записями 1980-х гг., что связано с рассредоточенностью населённых пунктов, смешанным составом сёл, различными временными и географическими аспектами. Выделяя общие обрядовые элементы между алтайской и кемеровской свадьбой, диссертант относит к региональным особенностям предметно-акционального и музыкального кода кемеровского свадебного обряда пляску сватов с «мохнашками» на сватовстве (*сватысь тонафтыма кишниме*), исполнение приуроченных лирических песен в момент выкупа невесты («Живи, живи, душа Люба», «У родимой мамоньки»), причитания невесты на территории дома жениха и песенное приглашение родни жениха в дом невесты с помощью приуроченной мордовской лирической песни «Адядо, братцы, минек масторов» («Пойдёмте, братцы, на нашу землю»).

Детальное сопоставление элементов сибирского свадебного обряда с европейскими мордовскими источниками позволило выделить три степени их общности. Обрядовые действия с низкой степенью общности (имеющие параллели всего с одним источником или не имеющие параллелей) в основном относятся к ритуалам локуса жениха. Это можно объяснить действием нескольких факторов – превалирующим «женским лицом» мордовской культуры, в связи с чем более древние элементы локуса невесты проявляются в большем числе вариантов, в том числе сибирских; традиционно менее подробным описанием мужской обрядовой линии; ограниченным кругом привлеченных для сравнения источников.

Анализируя концептуальную логику и структуру свадебного обряда сибирской мордвы в категориях переходного ритуала, автор обнаруживает наличие необходимых этапов (открепления, перехода и агрегации) как коммуникативной, так инициационной линий, выделяя в последней также мужскую составляющую. При том, что сравнение разновременных источников (соотношение материалов 1970-80 и 2000 гг.) демонстрирует сокращение обрядовых элементов (в особенности, причитаний), алтайская свадьба всё же сохраняет логику обряда перехода, чего нельзя сказать о кемеровской, в которой не сохранился инициационный и во многом утеряны обряды территориального перехода.

Параграф 1.2 «**Фольклорно-музыкологический аспект эрзя-мордовской свадебной традиции**» посвящён структурно-типологическому анализу музыкально-поэтических текстов свадебного обряда.

Жанровый состав свадебного песенного фольклора по назначению и содержанию поэтических текстов подразделяется на следующие группы: *причитания* (свадебные – в день каши, во время благословления невесты, в момент приезда невесты в дом жениха; пародийно-похоронные – во время «игры в покойника»); *корильные песни* (на встречу поезда и поезжан в доме невесты; на встречу невесты в доме жениха; во время смены девичьей причёски невесты); *песенные величания* (величание поезжан во время выкупов крыльца, стола и *цецки*; величание невесты – на смотреинах, во время ввода невесты в дом жениха, наряжения её лентами, смены девичьей причёски); *благодарственные песни* (песня свахи перед отправлением из дома невесты; песня родственниц невесты в конце свадьбы), а также *обрядово-ситуационные песни* (песни, сопровождающие выпечку утки, отправление за свахой, отправление за невестой, знакомство невесты с колодцем; песенные ответы свахи на корения в доме невесты). В жанровый состав сибирской свадьбы также входят русские и мордовские *лирические песни* (песни приурочены к моменту выкупа невесты, к свадебному застолью, к ситуации приглашения родни жениха в дом невесты на второй день); *шуточные мордовские песни; частушки; трудовые припевки* («Ой, дубинушка охнет!») и *молитвы* (словесные – на сватовстве и перед выпеканием пирога; вокально интонируемая – во время «игры в покойника»).

Музыкальный репертуар сибирской мордвы-эрзи включает образцы двух форм – причетной и песенной. Параграф 1.2.1 «**Музыкальный стиль причитаний**» открывается рассмотрением вопросов, связанных с этнической терминологией – сибирские мордовские причитания называются *аварькинимат*. Причитания алтайской мордвы звучат только в женском доме, причитания кемеровской мордвы исполняются как в доме невесты, так и в доме жениха, что свидетельствует о наличии «географической» дифференциации мордовских свадебных традиций сибирского бытования.

Анализ слогоритмических форм напевов алтайских и кемеровских причитаний, исполняющихся в доме невесты, демонстрирует идентичность их ритмического строения – цезурированный ритмический период, координированный с восьмисложным стихом (5+3). Первая половина ритмического периода объединяет все варианты *аварькинимат* ( ), а его окончание отличается только временной составляющей: (Кочкуровка); (Никольск); (Пещёрка). Композиционная единица напева, как правило, соответствует строке (стиху). Все напевы *аварькинимат* невесты (и ее матери), исполняемые в родительском доме, подразделяются по составу звукоряда

на два алтайских типа (больше- и малотерцовый) и один кемеровский ладо- вый тип (малосекундовый).

Кемеровские напевы *аварькинимат*, звучащие в исполнении невесты в доме жениха, обладают общим звукорядом – трихорд в квинте с нижним опорным тоном и верхним положением большой секунды. При этом ритмическая организация этих напевов имеет две формы – цезурированную с нестабильным количеством слогов в первой половине ритмического периода и постоянным количеством слогов во второй его половине (2-6+3) и квантитативно-стопную с мелострокой, состоящей из трех ритмических стоп, которые координированы с двух-, трех- и четырехсложными словами. Причины ритмической дифференциации кемеровских *аварькинимат* могут заключаться в обрядово-пространственной дифференциации (цезурированный напев – во дворе дома; квантитативно-стопный – внутри) или быть результатом культурных контактов местных мордовских жителей кемеровских сел с чувашами. Известно, что квантитативно-стопный принцип организации ритма является одним из основных в удмуртских и чувашских народных песнях.

Музыкальное наполнение кемеровской свадьбы (с. Чусовитино) в прошлом содержало образцы контрастной полифонии: причитание невесты звучало одновременно с песенным величанием её роднёй жениха. При звуковысотном единстве двух музыкальных текстов (нижний опорный тон и одинаковые границы ладозвукорядов – трихорд в квинте с большой секундой у верхней границы в причитании; ангемитонный/гемитонный тетрахорд в квинте без второго тона в величальной песне), на первый план выступает гетерохронность сочетания напевов (квантитативно-стопный принцип организации в напеве невесты; цезурированный – у родни жениха), что полностью отвечает критериям «особой формы совместного пения» (М.А. Енговатова), которая подчёркивает наиболее динамичную среднюю фазу переходного ритуала. Некоторые исследователи относят ситуацию причитания на фоне песни (частушки) к поздней стадии бытования в мордовской свадьбе традиции коллективно-индивидуальной причети (М.А. Лобанов).

В следующем параграфе (1.2.2 «Музыкальный стиль обрядовых песен») анализируются две группы эрзянских свадебных песен с политекстовыми напевами – *паряфтнемат* и *морсемат*. Если в основе термина *морсемат* лежит корень *мор*, обозначающий песню (*мор* – эрз. песня), то *паряфтнемат* (корильные песни) «как будто не поют, а срамят, корят», «кричат», «орут», «облаивают», «причитывают так, корят». Поэтическая строка *паряфтнемат* представляет собой цезурированный силлабический семисложник (4+3), который в связи с трёхвременной протяжённостью последнего слога заключён в девять счётных долей ( ). Слоговые варьирования

затрагивают только первую группу ритмического периода (до цезуры), вторая половина – всегда стабильна. По звуковысотной организации напевы *паряфтнемат* можно разделить на две основные группы – напевы, в основе

которых лежит ладовая ячейка из большой секунды, расширенная вниз на малую терцию до ангемитонного трихорда в кварте с опорой на среднем тоне (алтайские образцы); напевы в звукоряде большой терции с опорой на нижнем тоне (кемеровские образцы).

Композиция *паряфтнемат* преимущественно строфическая с парным объединением строк. Анализ мелодических контуров демонстрирует в рамках одной мелодистрофы функционирование двух различных контуров – «волнообразного» и «репетиционного», выполняющих формообразующую роль. Типовая мелодистрофа алтайских *паряфтнемат* начинается с волнообразного мелодического контура, а завершается репетиционным; зеркально симметричной оказывается мелодистрофа некоторых кемеровских образцов.

Фактура напева *паряфтнемат* представлена двумя видами – гетерофонией монодийного вида (кемеровские варианты); фактурой с более самостоятельным верхним голосом (алтайские варианты), с тенденцией к диафонии или терцовой вторе. Объединяющим элементом всех вариантов *паряфтнемат*, жанровым маркёром является ладо-мелодическая каденция – восходящий распев, подтекстованный междометием или исполнительским *crescendo*.

Отличительной особенностью песенной формы *морсемат* является наличие двухстрочного зачина, состоящего из междометий («Их-яи-я, я-ё, я-ё, ва-я. Ва-и, я-ё, ва-ё, ды, вай, вай»). Если корильные песни *паряфтнемат* исполняются в основном на улице в моменты встреч участников свадьбы, то для песен с зачином «Их-яя», которые исполняются на один типовой напев *морсемат*, характерны «домашние» ритуалы (отъезд за свахой, выкупы крыльца, стола, *цецки*, смотрины невесты, ввод невесты в дом жениха, повязывание платка, знакомство с колодцем, благодарность родне жениха).

Поэтический текст напева *морсемат* представляет собой цезурированный силлабический восьмислоговой стих (5+3). Строфическая композиция напева состоит из двух типовых ритмических периодов по 10 времён в каждом (♩ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪). К особенностям слогоритма *морсемат* относится широкое использование огласовок и словообрывов, что приводит к дроблениям и стяжениям в виде мелодических распевов.

Базисный звукоряд *морсемат* представляет собой трихорд в кварте (в нижнем голосе) и тетрахорд в квинте (в верхнем) с двумя опорными тонами – верхним в первой мелодистроке (*до*) и нижним во второй (*соль*). Терцовый тон звукоряда – высокий, низкий или мерцающий – определяет ладовую разновидность напевов. Для *морсемат* характерна фактура двухголосной полифонии с противоположным и косвенным движением голосов, следствием чего являются частые секундовые созвучия. При определённых музыкально-стилистических различиях вариантов *морсемат* они обладают общностью, касающейся ладовой логики – квартовое соотношение двух опор с количественным преобладанием верхней опоры и закреплением в конце строфы нижней.

Реконструированная свадебная обрядовая традиция сибирской мордвы-эрзи, с точки зрения соотношения в обряде песенных и причетных форм, демонстрирует типологическое единство с материнской поволжской традицией и относится по филологической классификации Л. Хонко (L. Honko) к свадебной традиции «северо-восточной европейской зоны» (восточные прибалтийские финны, коми и мордва), для которой характерны «богатство и количественный баланс между свадебными причетами и свадебными песнями»¹³. Проанализированные политекстовые напевы эрзянской свадьбы Сибири вместе с приуроченными мордовскими и русским песнями составляют музыкальную драматургию ритуала и выполняют разные обрядовые функции (напев *паряфтнемат* представляет только коммуникативную, *аварькинимат* – только инициационную, *морсемат* – обе линии). Синтагматическая структура музыкального кода с классификацией песен по обрядовым функциям и локусам демонстрирует значительный удельный вес коммуникативной линии свадебного ритуала с точечным проявлением инициационной функции, что является признаком свадьбы песенного типа с минимальным набором напевов и их четкой функциональной дифференциацией. Однако, в сибирском обряде присутствуют типовые элементы причетной свадьбы – наличие причитаний (*аварькинимат*) и связанных с ними групповых форм (причитание невесты на фоне её величания); разрастание предвенечной части обряда и отделения субъекта ритуала (баня невесты, день каши, *нардамунь кандума*, расставание невесты с девичеством), усиление оппозиции свой/чужой (ярко представлено в поэтических текстах причитаний невесты во дворе дома жениха) – что даёт основание для атрибуции свадебного обряда сибирской мордвы как микстового типа с доминированием признаков песенной свадьбы.

Параграф 1.3 «**Мокша-мордовские свадебные традиции Алтайского края**» посвящён описанию и изучению регионального варианта мокшанской свадьбы.

В параграфе 1.3.1 «**Реконструкция свадебного обряда**» даётся описание структуры свадьбы, выделяется её двухфазовость, связанная с территориальным переходом невесты (в ночь после сватовства и в день свадьбы). Двухфазовая структура, возможно, является следствием распространённой у мордвы в Сибири свадьбы «по вечерами», проводимой без обрядов. Приводятся акциональный, предметный и персональный ряды, указывается их функция. В обряде особое внимание уделялось главному персонажу свадьбы свахе (*авакуде*), которую, с одной стороны, украшали специально изготовленным атрибутом *мазый косма* («крест из камыша» с косой изо льна), с другой стороны, её корили песнями с наибольшим количеством эротической символики. *Мазый косма* (*авакудань каса*) – сибирский вариант традиционного свадебного мокша-мордовского атрибута *авакуды*.

---

¹³ Honko L. Marrying // The Great Bear: A Thematic anthology of oral poetry in the finno-ugrian languages. – Finnish Literature Society. – Т. 533. – Helsinki: Finnish Literature Society, 1993. – P. 454.

В параграфе 1.3.2 «**Мокшанские корильные песни**» анализируется вербально-музыкальный обрядовый код, в котором выделяются два политекстовых напева (не имеющих этнических терминов), каждый из которых прикреплен к родовому локусу. Почти все поэтические тексты содержат ненормативную лексику и выполняют в обряде архаическую корильную функцию.

Первый напев с конечным припевом «Кивась!» поёт родня невесты во время встречи свадебного поезда (общих корней) и за столом в доме невесты (во время персональных корней свадебных чинов: *ингольдень якай, атякуда, торонь канды*) –

 Напев координирует-

ся со свободным цезурированным стихом (4-3+3-2), а поэтическая композиция строфы включает три-четыре строки, при этом первая строка повторяется дважды (AAB γ или AABC σ). Напев интонируется в гемитонном ладу в амбигусе кварты с малой секундой в середине звукоряда и имеет два опорных тона – верхняя граница квартовой ячейки (в первом ритмическом периоде и в конечном припеве) и нижний опорный тон (во втором и третьем периодах). Песни с конечным рефреном «Кивась!» также исполнялись во время масленичных праздников.

Второй напев («Тыбр-тама»), поющийся для невесты в доме жениха его родственницами и координированный со строгим 12-сложником с двумя обязательными цезурами 4+4+4 () интонируется в гетеро-

фонной фактуре при опоре на звукоряд ангемитонного тетраорда в квинте и представляет собой тирадную композицию (зачин и три-четыре строки). Если первый корильный напев сопровождает территориальный обрядовый переход, то второй – инициационный (невесту запирали в тёмной кладовке и громко стучали в дверь во время пения).

Несмотря на наличие в мокшанских сёлах Алтайского края различных эрзянских и русских субэтнических групп, зафиксированная в 2000-е гг. свадебная традиция наиболее ранних сибирских переселенцев из Краснослободского уезда Пензенской губернии (2-й пол. XIX в.) обладает высокой степенью сохранности, что подтверждается смысловыми, обрядовыми, поэтическими и музыкально-стилистическими параллелями сибирско-мокшанского обрядового комплекса с источниками европейской мордовской традиции – свадьбой Мамолаевского аймака Ковылкинского района Мордовской АССР.

Подводя итог описанию и изучению сибирских свадебных традиций, предлагается сопоставление синтагматических схем музыкального кода эрзянской и мокшанской свадеб, которые продемонстрировали существенные различия. Если каждый из двух напевов мокшанской свадьбы строго прикреплен к исполнительской партии/локусу невесты или жениха, то в эрзянской свадьбе все напевы являются общими для обеих исполнительских партий/локусов. Эрзянские причитания имеют региональную дифференциацию: *аварькинимат* в доме невесты характерны для алтайской свадьбы; в доме жениха – для кеме-ровской. Кроме строгой исполнительской и пространственной дифференци-

ции мокшанских политекстовых напевов, имеется их определённая закреплённость за обрядовыми функциями (инициационной и территориальной). Один из основных напевов эрзянской свадьбы *морсемат* наделён как инициационной, так и территориальной функцией. Обозначенные фундаментальные различия в области обрядовой музыкальной драматургии определяют специфику мордовских субэтнических свадебных традиций в Сибири.

Вторая глава **«Народный календарь сибирской мордвы»** посвящена описанию и изучению календарного музыкально-этнографического комплекса сибирской мордвы-эрзи и мордвы-мокши. В параграфе 2.1. **«Фольклорно-этнографический аспект»** последовательно описан терминологический, временной, действенный, персональный, предметно-реальный, вербальный и музыкальный планы годового календарного цикла с широким привлечением сибирских устных источников. Структура народного календаря во многом следует порядку православных церковных праздников.

Весенне-летний период (параграф 2.1.1) в сибирских мордовских традициях представлен множеством дат – Масленицей (эрз. – *Мастя*; мокш. – *Мас-ла, Маслянѳе*), Прощёным воскресением (эрз. – *Прощёная недля чи*), периодом Великого поста, днём памяти сорока Севастийских мучеников (мокш. – *Сорок свете, Сороки, Жаворонки*), Вербным воскресением (мокш. – *Вирма*). Центральным праздником повсеместно являлась Пасха (эрз. – *Инечи*; мокш. – *Очижи*), после которой также отмечали Вознесение и Троицу (мокш. – *Тройцяня*).

Фольклорно-музыкальный код масленичной недели представлен русскими приуроченными лирическими образцами, а также эрзянской детской и мокшанской корильной песнями. Во время Великого поста повсеместно действовал запрет на исполнение песен, кроме с. Борисово, где молодые девушки, забравшись на крыши домов и пригонов, пели «постные» песни (эрз. *тундунь моротне* – весенние песни) с эротическими мотивами, называемые «Поэзря!». Мокшанские фольклорно-вербальные формулы маркируют следующие праздничные действия: обращение детей к птицам в Сороки (кричалки), ритуальное «бужение» детей на Вербное воскресение (приговоры) и предпасхальный обход дворов (молитва). От Пасхи до Троицы начинался период весенне-летних хороводов («А мы просо сеяли», «Бояре, да вы зачем пришли?», «Наварю я пива», «Собирались девки да на ягору», «Тюлинушка, тялинушка»), а во время обходов домов исполнялся тропарь «Христос Воскресе». В пасхально-троицкий песенный цикл сибирской мордвы прочно вошли русские хороводные и лирические песни. Наряду с распространёнными, в том числе у русского населения, ритуальными проводами Масленицы, в календарный обрядово-этнографический комплекс сибирской мордвы входят ритуальные ситуации проводов Пасхи и Троицы (Весны), проводимые через неделю после официального праздника. Проводы Весны сопровождалась молодёжными гуляниями, ряжением, сожжением за деревней чучела (коня) и маркировалось музыкальным кодом («А, слобода, слобода», «Веснась ютась»).

гемитонном тетраорде в кварте с малой секундой в центре звукоряда и двумя опорными тонами различными для рефрена и мелостроки.

Колядные песни, записанные в одном селе (Борисово) в разное время (1975, 1986, 2011), имеют различные ладозвукоряды и формы рефренных возгласов, что демонстрирует динамику изменения музыкально-фольклорной традиции или её многовариантность.

Песни Рождественского дома записаны в сибирских сёлах в двух жанровых разновидностях: эрзянские плясовые «Штирьдян теке» и мокшанская долгая «Иванынь Маренясь». Восьми-временные цезурированные напевы плясовых песен с неустойчивым количеством слогов (3-4+2-4) интонируются в гемитонном квартовом ладу с верхним положением малой секунды. Для напева долгой песни Рождественского дома характерен выделенный запев, стих 5+8 и диатонический квинтовый пентахорд с опорой на нижнем тоне.

Репертуар масленичных песен сибирской мордвы включает мокшанскую песню с конечным рефреном «Кивась!» и эрзянские песни-диалоги с птицами «А, сезяка, сезяка», которые в настоящее время интонируются на частушечный напев в большетерцовом ладу. Напев вербной песни «Вирмась кишти» близок речевой манере интонирования и скандируется в диапазоне большой секунды с верхним опорным тоном, сопровождаясь остигнутым ритмом и стихом 8 (4+4) + 7 (4+3).

Троицкие песни сибирской мордвы-эрзи, приуроченные к ситуации проводов Весны – «А, слобода, слобода», «Веснась ютась, мазысь ютась» и «Вай, иля пува» – имеют различное строение цезурированного стиха (4+3; 4+3-5; 5+5), отличаются по форме мелострофы (трёхстрочная строфа с цепной формой стиха ААВ/ВВС; четырёхстрочная строфа с контрастом во второй половине; однострочные или двухстрочные композиции) и ладозвукорядам (ангемитонный четырёхступенный лад в объёме квинты без терцового тона; пентахорд в квинте с низкой терцией; пентахорд в квинте с мерцающей или низкой терцией).

Народный календарь мордвы, в том числе сибирской, в наибольшей степени отражает общность субэтнических эрзянских и мокшанских традиций, что было продемонстрировано во второй главе и проявляется в общности обрядово-этнографических, фольклорно-жанровых и музыкально-стилистических элементов. Притом, что в Сибири не зафиксированы некоторые песенные жанры (отдельные разновидности масленичных песен, игровые песни Рождественского дома, песни примет весны, закличания дождя, осенние песни), календарный музыкально-этнографический комплекс сибирской мордвы обладает целостными системными характеристиками, позволяющими наметить одну из его особенностей – существенную насыщенность зимневесеннего обрядово-этнографического и песенного циклов при заметной фрагментарности летнего и осеннего календарных периодов.

Третья глава **«Круговые песни сибирской мордвы в контексте автотонной музыкально-этнографической традиции»** посвящена танцеваль-

ной жанровой сфере. Распространёнными сезонно-приуроченными песнями к вечерним молодёжным гуляниям являются круговые песни, выделяемые исследователями в отдельную жанровую группу (*кужень, кужань, кужонь морот*). В репертуаре сибирских переселенцев сезонно-приуроченные песни образуют значительную группу, хотя этническое название жанра не сохранилось.

В первом параграфе 3.1 «**Танцевальная культура мордвы: фольклорно-этнографический аспект**» описываются различные элементы танцевального комплекса и роль музыкального компонента. Зафиксированные в сибирском регионе типы (плясовой хоровод кругового типа; ходовые круговые и линейные хороводы «ходовая разлука»; линейный игровой хоровод) определяются с учётом классификационных подходов к хороводному жанру автохтонной территории бытования мордвы. Рассмотрение проблемы жанровых признаков мордовских круговых песен в филологическом и музыкологическом аспектах, а также предлагаемые этномузыкологами Л.Б. Бояркиной, Н.И. Бояркиным, Н.Е. Булычёвой принципы классификации круговых песен позволили произвести соответствующую жанровую атрибуцию репертуара сибирской мордвы. Подчёркивается, что танцевально-двигательный компонент, свойственный круговым песням «материнской» традиции, в Сибири оказался утрачен за исключением чрезвычайно популярной у мордвы круговой песни «Самсон леляй», практически повсеместно исполняемой с хлопками и притопами.

В следующем параграфе 3.2 рассматривается «**Стиль сибирских мордовских круговых песен**» в сравнении с образцами европейской традиции. Записанные в Сибири от сольных исполнительниц мордовские круговые песни *ходового* и *плясового* типов подвергаются детальному анализу. Минусинская ходовая круговая песня «Хоть и шачень-удалань» (мокш.), исполненная уроженкой Ковылкинского района Республики Мордовии, в сравнении с опубликованными европейскими вариантами, записанными в том же районе Мордовии, продемонстрировала типологическое родство с автохтонными напевами по строению стиха (4+3) и ладо-мелодическим характеристикам. Ритмическое строение плясовой круговой песни «Ой, верьга, верьга» (эрз.), имеющей 10-сложный стих 5+5, определяется действием количественных музыкальных стоп (двух- и трёхсложных), каждая из которых соответствует слову поэтического текста, а мелострока содержит четыре музыкальные стопы. Строки напева, который интонируется в гемитонном квинтовом пентакорде, по ладо-мелодическим особенностям объединяются в строфическую композицию. Ритмическая организация круговой песни «Ой, верьга, верьга» и напев причитания невесты *аварькинимат*, исполняющийся в доме жениха (оба образца записаны в Кемеровской области), дают некоторое основание для формулирования тенденции количественно-стопной ритмической организации напевов сибирской (кемеровской) мордвы, что связывает мелодику мордовских песен с фольклорными традициями финно-угорских (удмурты) и тюркских (чуваши) народов.

Наиболее популярным видом круговых песен в сибирском песенном репертуаре, как и в европейских традициях мордвы-эрзи и мордвы-мокши, является *гибридный стилевой вид* по определению Н.И. Бояркина и Л.Б. Бояркиной (песенно-плясовой тип). Отличительной его особенностью являются два ключевых момента:

- 1) наличие заимствованного напева русской/украинской песни;
- 2) наличие ритмического контраста между цезурированным двустрочным запевом и двустрочным равномерно сегментированным припевом со смежной счётной доли.

В Сибири зафиксированы пять разновидностей данного типа, определяемых по названиям заимствованных напевов (данный принцип атрибуции предложен Н.Е. Бульчёвой): *На горушке, на горе* («Кайцга неян, мезе неян», «Луганясо келунясь», «Кода лёнась видеме?»); *Как по морю* («Панень стада»); *В тёмном лесе* («Вири молян»); *На горе-то калина* («Самсон леляй»); *Пошли девки на работу* («Кавто цёрат тикше ледить»). Многие из этих песен относятся информантами к знаковым, репрезентативным проявлениям своей этнической культуры, возможно, это связано с ранним этапом процесса заимствования.

В **Заключение** работы подводятся итоги и намечаются перспективы исследования темы. В ходе диссертационного исследования произведено первоначальное описание приуроченных жанровых сфер музыкально-этнографического комплекса сибирской мордвы – свадебного ритуала, календарных праздников и танцевальной культуры. Современные полевые записи (2007-2011 гг.), содержащие наряду с фольклорно-музыкальными материалами значительный объём историко-культурных и этнографических характеристик песенного творчества сибирской мордвы, и архивные материалы (1975-1986 гг.) составили полноценную источниковую базу, которая позволила представить целостную картину бытования сибирско-мордовских фольклорных традиций.

Комплексное исследование мордовской сибирской свадьбы позволило раскрыть типовую структуру и составляющие элементы двух локальных вариантов свадьбы мордвы-эрзи (алтайского и кемеровского) и мордвы-мокши, а также произвести сравнительное исследование сибирских вариантов со структурой свадьбы европейской мордвы. Выявление логики свадебного обряда сибирской мордвы-эрзи и мордвы-мокши способствовало более содержательной комплексной характеристике свадебных песен с точки зрения их жанрового состава, драматургических функций в обряде, структурной типологии музыкально-поэтических текстов.

Основным результатом диахронического изучения сибирского эрзянского свадебного обряда является трансформация исходного причетного типа в песенный тип свадьбы с ведущей ролью коммуникативной обрядовой функции, при сохранении отдельных элементов свадьбы-причета.

Музыкально-этнографические комплексы эрзянской и мокшанской свадьбы рассматривались обособленно, что было сделано в связи с особенностями смысловых и структурных характеристик синтагматических схем му-

зыкального кода свадьбы, представленного политекстовыми напевами, которые также имеют различные музыкально-стилевые параметры.

Субэтнические особенности мордовской обрядовой культуры в Сибири наиболее явно проявляются в свадебном фольклорно-этнографическом комплексе, в то время как в календарных и сезонно-приуроченных обрядах и песнях мордвы-эрзи и мордвы-мокши преобладают общие признаки и элементы.

Описание годового календарного праздничного цикла сибирской мордвы выявило наиболее насыщенные, в том числе музыкально наполненные периоды – зимний и весенне-летний, в которых объединяются православные и традиционные, архаические, структурообразующие элементы. Жанровый состав и традиционные напевы сибирских календарных, а также круговых мордовских песен представлены широким спектром видов, форм, которые обладают общими признаками и воспроизводят типологические свойства автохтонной музыкальной традиции.

При сохранении репертуара различных видов круговых песен в Сибири оказались утраченными обрядово-этнографические формы их приуроченности. Несмотря на отсутствие в настоящее время функциональной прикреплённости сибирских круговых песен к обрядовым ситуациям и их переход в разряд лирических песен, тем не менее, круговые песни рассматривались в контексте автохтонной обрядово-этнографической, танцевальной традиции мордвы. При классификации напевов сибирских круговых песен на основе музыкально-типологических характеристик производились некоторые сравнительные изыскания с европейскими вариантами, вследствие чего обнаружилось общие стилевые признаки ритмо-синтаксической организации песенно-танцевального фольклора.

Мордовские культурные традиции являются неотъемлемой частью не только сибирской, но и российской традиционной музыкальной культуры. Материалы диссертационного исследования во многом открывают новые направления будущих исследований. Среди них – комплексное описание других жанровых сфер сибирской мордвы, а именно эпических и лирических песен, которые представлены значительным объёмом разновременных источников.

Записанные в Сибири мордовские песни, особенно в 1970-1980-е гг., позволяют в дальнейшем исследовать специфику многоголосной фактуры традиционных песен сибирских переселенцев, к тому же автохтонное искусство многоголосного хорового пения, названное И.И. Земцовским уникальным не только среди финно-угров, но и в мировой музыкальной культуре¹⁴, исследовано этномузыкологами весьма подробно.

Исследование проблемы русско-мордовских взаимодействий является важной вехой к продолжению комплексного подхода в изучении как свадебного обряда и календарного цикла, так и иных жанровых сфер, в которых

---

¹⁴ Бояркина Л.Б. Многоголосие народное // Бояркина Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия. – Под. общ. ред. Н.И. Бояркина. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2011. – С. 178.

межэтнические, межкультурные процессы занимают более весомое место. Прежде всего, это касается жанра *лирических песен* (заимствование в мордовский репертуар русских песен разных жанров и стилей, их исполнение на русском и в переводе на мордовский язык, широкое бытование жанра частушки на обоих языках) и *похоронно-поминального комплекса* (введение православных ритуалов и песнопений на русском языке в обрядовый похоронный комплекс сибирской мордвы). Фольклорно-этнографическая практика мордвы вообще и сибирской в частности органично объединяет «родные» (коренные) этнические традиции с заимствованными русскими.

Дальнейшее изучение поэтической и музыкальной стилистики сибирских мордовских песен разных жанров с точки зрения межэтнических взаимосвязей может пополнить информацию о русско-мордовских взаимоотношениях, которые рассматриваются многими фольклористами (Л.Б. Бояркиной, Т.М. Ананичевой, Н.Н. Гиляровой, А.Г. Самошкиным, Т.П. Федянович, Х. Паасоненом и др.). Различные формы инационального влияния в сибирских традициях более заметны в музыкальных сферах круговых и лирических песен. Ценностно-нормативное ядро национальной традиционной культуры, выраженное в семейно-обрядовой и календарной сферах, сохраняется у сибирских переселенцев в наиболее устойчивых формах.

Перспективным направлением дальнейшего изучения сибирской переселенческой традиции мордвы-эрзи и мордвы-мокши также является пополнение фольклорно-этнографического материала в полевых исследованиях, выявление других «этнокультурных островов» (термин Е.А. Дороховой) традиционной культуры Сибири. Традиционная культура сибирской мордвы, особенно в компактных очагах проживания сохранила черты архаического, мифологического мировоззрения, наряду с которым сосуществуют более поздние культурные пласты.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Шахов П.С. Музыкальный фольклор эрзя-мордовской свадьбы Сибири // Музыка и время. – Ежемесячный научный критико-публицистический журнал. – № 7. – М.: Научтехлитиздат, 2010. – С. 38-45. (0,8 авт. л.).
2. Шахов П.С. Мордовские круговые песни Сибири гибридного стиливого вида // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – № 4 (24). – Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, 2012. – С. 195-207. (0,7 авт. л.).
3. Шахов П.С. Музыкальный стиль свадебных причитаний сибирской мордвы-эрзи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Вып. 5. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 210-215. (0,6 авт. л.).

Другие публикации по теме исследования:

4. Журба А.В., Леонова Н.В., Шахов П.С. Фольклорные традиции сибирских переселенцев: итоги полевого сезона 2008 года // Народная культура Сибири: XVII Межрегиональная конференция. – Омск: Амфора, 2008. – С. 238-243. (авт. вклад 0,1).
5. Шахов П.С. Фольклор мордовской диаспоры в Сибири // Сибирская этномузыкологическая экспедиция: сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах народов Сибири и Непала. – Новосибирск, 2008. – С. 63-86. (0,9 авт. л.).
6. Шахов П.С. Музыкальный фольклор мордвы-эрзя трёх сёл Кемеровской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Материалы междунар. науч. конф. – Вып. 7. – Под ред. Т.К. Щегловой, И.В. Октябрьской. – Барнаул: БГПУ, 2008. – С. 239-241. (0,2 авт. л.).
7. Шахов П.С. Фольклор мордвы-эрзя и мордвы-мокша Алтайского края и Кемеровской области по результатам экспедиций 2008 года // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 год. – Материалы V регион. науч.-практ. конф. 4-6 декабря 2008 года. – Вып. 5. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 210-215. (0,2 авт. л.).
8. Шахов П.С. Мордовский фольклор в Сибири // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. – Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 556-557. (0,1 авт. л.).
9. Леонова Н.В., Шахов П.С. Устные источники в изучении фольклора мордвы Сибири (на материале свадебного обряда) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. – Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 400-401. (0,1 авт. вклад).
10. Леонова Н.В., Шахов П.С. Русский культурный компонент в фольклорно-этнографической традиции сибирской мордвы // Центр и периферия. – Научно-публицистический журнал Института российской истории РАН и НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – № 3. – Саранск: Изд. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009. – С. 86-91. (0,3 авт. вклад).
11. Леонова Н.В., Шахов П.С. Свадебные фольклорные традиции мордвы-эрзя Алтайского края // IV Всероссийская научная конференция финно-угроведов, 17-19 ноября, 2009 г. – Ханты-Мансийск: Инф.-изд. Центр ЮГУ, 2009. – С. 268-271. (0,2 авт. вклад).
12. Леонова Н.В., Шахов П.С. Музыкальный фольклор мордвы-мокша Красноярского края (по полевым исследованиям 2009 года в Минусинском и Каратузском районах) // Мартъяновские краеведческие чтения. – Вып. VI. – Сборник докладов и сообщений. Минусинск, 13-15 декабря 2010. – Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартъянова, 2010. – С. 145-147. (0,1 авт. вклад).

13. Шахов П.С. Мордовские колядные песни Сибири в свете устных источников // IX Конгресс этнографов и антропологов России. – Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. – Редкол.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 73. (0,1 авт. л.).
14. Шахов П.С. О методах изучения музыкально-фольклорных традиций мордвы Сибири // IX Конгресс этнографов и антропологов России. – Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. – Редкол.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 442-443. (0,1 авт. л.).
15. Шахов П.С. Колядные песни мордвы Сибири в свете устных источников // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Материалы междунар. научно-практич. конф. – Вып. 8. – Барнаул: БГПУ, 2011. – С. 282-287. (0,4 авт. л.).
16. Шахов П.С. В поисках сокровищ народного творчества сибирской мордвы: путевые заметки // Наша Знаменка. – Еженедельная газета Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. – № 33 (552) от 19. 08. 2011. – С. 3. (0,2 авт. л.).
17. Леонова Н.В., Овчарова М.А., Шахов П.С. Полевые исследования этнокультурных традиций мордовского населения Сибири // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – Т. 1 (66). – Москва, 2012. – С. 204-212. (0,2 авт. вклад).
18. Шахов П.С. Живая память прошлого: реконструкция свадебного обряда мордвы-мокши Алтайского края // Центр и периферия. – Научно-публицистический журнал Института российской истории РАН и НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – № 2. – Саранск: Изд. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. – С. 88-94. (0,4 авт. л.).
19. Шахов П.С. Корильные песни мокша-мордовской свадьбы Сибири: «Из песен слов не выбрасывают...» // Центр и периферия. – Научно-публицистический журнал Института российской истории РАН и НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – № 1. – Саранск: Изд. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014. – С. 78-85. (0,9 авт. л.).
20. Леонова Н.В., Овчарова М.А., Шахов П.С. Исследование свадебного фольклорно-этнографического комплекса мордвы Сибири // Вестник музыкальной науки. – № 1. – Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория, 2015 (подписано в печать). (0,2 авт. вклад).

Научное издание

Шахов Павел Сергеевич
**«Музыкально-фольклорные традиции
мордвы Сибири (приуроченные жанры)»**

Отпечатано в типографии Новосибирского
государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20,
Тел./факс (383) 346-08-57
Формат 60 x 90/16. Объем 1.7 п.л. Тираж 110 экз.
Заказ 2119. Подписано в печать 17.04. 2015 г.